

ПИГМАЛИОН

Лирическая сцена

Действующие лица:

**Пигмалион.
Галатейя.**

Действие происходит в городе Тире

Сцена представляет мастерскую скульптора. По сторонам видны куски мрамора, скульптурные группы, начатые статуи. В глубине выделяется статуя, скрытая под покрывалом из легкой и блестящей материи, украшенным бахромой и гирляндами.

П и г м а л и о н, погруженный в свои мысли, сидит, облокотившись, с печальным и тревожным видом; внезапно поднявшись, он берет со стола орудия своего мастерства и, подойдя к своим незаконченным работам, наносит два-три удара резцом по мрамору; потом отходит и смотрит недовольно и разочарованно.

П и г м а л и о н. Здесь нет ни жизни, ни души — это только камень. Нет, ничего никогда из всего этого я не сделаю!

О мой гений! Где ты? Мой талант — во что ты превратился? Огонь погас, воображение оледенело. Мрамор выходит холодным из моих рук.

Пигмалион, не твори больше богов; ты всего лишь жалкий ремесленник... Никчемные орудия, которые уже не служат моей славе, — прочь от меня, не позорьте моих рук.

Он с презрением бросает инструменты, потом некоторое время прохаживается в раздумье взад и вперед, скрестив на груди руки

Что со мной случилось? Какой странный переворот свершился во мне?

Тир, ты богат и великолепен, но памятники искусства, которыми ты блистаешь, больше не влекут меня! Мне уже не хочется любоваться ими. Общение с артистами и философами мне в тягость. Беседы художников и поэтов утратили для меня свою привлекательность. Успех и слава больше не возвышают мою душу. Хвала грядущих поколений уже не волнует меня; даже дружба потеряла для меня свою прелесть.

И вы, юные создания, совершенные творения природы, которым дерзал я подражать в своем искусстве, к которым непрерывно влекли меня наслаждения, вы, мои пленительные модели, опалявшие меня огнем любви и вдохновения, — с тех пор как я превзошел вас, вы все стали мне безразличны. (*Садится и оглядывает все вокруг себя.*) Непонятные чары удерживают меня в мастерской, но я ничего не в состоянии создать, и в то же время не могу уйти. Я перехожу от группы к группе, от фигуры к фигуре; мой резец, слабый, неуверенный, не узнает больше своего повелителя; эти грубые работы, оставшиеся в виде робких набросков, не чувствуют больше руки, которая некогда оживила бы их. (*Порывисто встает.*) Все кончено, все кончено; меня покинул мой гений... в юности я уже пережил свой талант.

То тогда что ж такое этот внутренний, пожирающий меня жар? Откуда во мне это горение? Нет! Разве в бездействии угасшего гения испытывают подобные чувства, разве ощущают порывы бурных страстей, эту неодолимую тревогу, это тайное, терзающее меня волнение, причины которого я не могу разгадать?

Я подумал: не потому ли я так рассеян в работе, что слишком люблюсь собственным творением? И я спрятал его под этим покровом... мои недостойные руки осмелились скрыть памятник моей славы. С тех пор как я не вижу его, я грустен, я рассеян.

Бессмертное творение! Как дорого, как драгоценно будет оно мне! Когда угасший дух мой больше не сможет создавать ничего великого, прекрасного, достойного меня, я укажу на Галатею и воскликну: «Вот моя работа». О моя Галатея! Когда я потеряю все, ты мне останешься и я буду утешен.

Он приближается к покрывалу, снова удаляется; ходит взад и вперед, временами останавливается и, вздыхая, смотрит на статую.

Но зачем ее прятать? Чего я этим достигаю? Зачем мне, обреченному на праздность, лишать себя радости созерцать прекраснейшее свое созданье?.. Быть может, в нем есть какой-нибудь недостаток, которого я не заметил; быть может, я мог бы добавить еще какое-нибудь украшение к его отделке; ни одной доступной воображению изящной подробности не должна быть лишена столь дивная вещь... быть может, эта статуя разбудит мою дремлющую фантазию.

Надо опять увидеть ее, осмотреть ее заново. Но что я говорю? О, ведь я еще не осматривал ее ни разу: до сих пор я только восхищался ею.

Он идет откинуть покрывало, но выпускает его из рук, словно чем-то испуганный.

Непостижимое чувство испытываю я, прикасаясь к этому покрывалу; меня охватывает страх; мне кажется, я прикасаюсь к алтарю неведомого божества. Пигмалион, это камень, это твоя работа... Но что с того? В наших храмах служат богам, которые сделаны из такого же вещества и той же самой рукой.

Дрожа, он снимает покрывало и падает ниц. Открывается статуя Галатеи, поставленная на очень низкий пьедестал, которому придает высоту мраморный цоколь, состоящий из нескольких, идущих полукружиями ступеней.

О Галатея! прими мое поклонение. Да, я ошибся, я хотел сделать тебя нимфой, а сделал богиней. Сама Венера не так прекрасна, как ты.

Тщеславие — слабость человеческая! Я не устаю любоваться своей работой; я упиваюсь гордостью; я обожаю себя в том, что я создал... Нет, никогда в природе не появлялось ничего более прекрасного; я превзошел творения богов...

Как! Такая красота вышла из моих рук! Мои руки касались ее... мои губы могли... Но я вижу ошибку. Одежда здесь слишком закрывает наготу; надо вырезать поглубже; прелести, которые она скрадывает, должны лучше выделяться.

Он берет молоток и резец; потом, медленными шагами, нерешительно всходит по ступеням, но прикоснуться к статуе не смеет. Уже подняв резец, вдруг останавливается.

Какой трепет я испытываю! Какое смятенье!.. Я держу резец неверной рукой... я не могу... не решаюсь... я испорчу всё...

Он делает над собой усилие; наконец, направив резец, ударяет им один раз и, объятый ужасом, роняет его, испустив громкий крик.

Боги! Я чувствую трепещущую плоть — она сопротивляется резцу!.. *(Спускается дрожащий и растерянный.)* Пустой страх, безумное ослепление!.. Нет... Я не трону ее; боги поразили меня ужасом. Вероятно, она уже причислена к их сонму. *(Снова внимательно осматривает статую.)* Что ты хочешь в ней изменить? — гляди: какую еще прелесть хотел бы ты придать ей?.. Ах! Совершенство — вот ее недостаток... Божественная Галатея! и менее совершенная ты была бы безупречна... *(Нежно.)* Но тебе недостает души: с таким лицом ты не можешь не иметь души. *(С еще большей нежностью.)* Как прекрасна должна быть душа, предназначенная оживить подобное тело! *(Останавливается в неподвижности; потом, повернувшись, садится и говорит тихо, изменившимся голосом.)* Какие желания дерзнул я ощутить! Какие бессмысленные мечты я себе позволил! Что я чувствую?.. О небо! Завеса обольщения спадает, и я не смею

заглянуть в свое сердце: в нем слишком многое вызвало бы мое негодование! *(Долго молчит, глубоко подавленный.)* Так вот что лишает меня рассудка — эта благородная страсть! Значит, я не решаюсь уйти отсюда из-за неодушевленного предмета... Мрамор! Камень! Бесформенная и твердая глыба, послушная стали резца!.. Безумец, очнись; рыдай над собой; пойми свое заблуждение, пойми свое безрассудство...

О, нет... *(Пылко.)* Нет, я вовсе не потерял рассудка; нет, я не брежу; нет, мне не в чем себя упрекать. Я влюбился не в этот мертвый мрамор, а в живое существо, ему подобное, в возникающий передо мною образ. Где бы этот обожаемый образ ни находился, в каком бы теле он ни был воплощен, чьи бы руки его ни сотворили, — мое сердце будет всегда рваться к нему. Да, единственное мое безумие — это видеть красоту, мое единственное преступление — быть к ней чувствительным. Тут не из-за чего краснеть. *(С меньшей живостью, но по-прежнему страстно.)* Мне кажется, будто из этой статуи извергаются огненные стрелы и, воспламенив мои чувства, вместе с моей душой возвращаются к своему источнику! Увы! Галатее остается недвижимой и холодной, тогда как сердце мое, опаленное ее чарами, хотел бы вырваться из груди, чтобы согреть ее своим жаром. В моем исступлении я воображаю, что мог бы вырваться из самого себя, мог бы дать ей жизнь и оживить ее своей душой.

Ах! Пусть Пигмалион умрет, чтобы жить в Галатее!.. Но что я говорю, о небо! Ведь если б я стал ею, то не видел бы ее, я не был бы тем, кто ее любит. Нет, пусть моя Галатее живет, но пусть я не буду ею. Ах, пусть я всегда буду собой, чтобы вечно стремиться быть ею, чтобы видеть ее, чтобы любить ее, чтобы быть ею любимым!.. *(Сильный душевный порыв.)* Мученья, мольбы, желанья, бешенство, бессилие, любовь роковая, любовь гибельная... О! — весь ад в моей измученной душе... Боги всемогущие, боги благие, боги моего народа, познавшие человеческие страсти, о! вы столько свершали чудес по менее достойным поводам — будьте же справедливы и заслужите свои алтари. *(Еще взволнованнее, вдохновенно.)* А ты, высший дух, недоступный чувствам и открывающийся лишь сердцам, душа вселенной, основа всего сущего, ты, посредством любви дарующий элементам гармонию, материи — жизнь, телам — чувствительность и форму всем созданиям; священный огонь, дивная Венера, силой которой все существует и беспрестанно возрождается; ах, где подвластное тебе равновесие вещей? где твое всеобъемлющее могущество; где тот закон природы, что руководит моими чувствами? где твоя животворная сила, если порывы мои тщетны и бесплодны? Весь твой огонь сосредоточен в моем сердце, а в этом мраморе остался холод смерти; я поги-

баю от избытка жизни, а мрамор ее лишен. Увы! Мне нечего ждать чуда; оно во мне; оно должно исчезнуть; основы потрясены, природа оскорблена; верни действительность ее законам, восстанови ее благодатное течение и распространи равномерно свое божественное влияние. Да, в двух существах нарушена гармония бытия; раздели между ними поровну испепеляющий жар, что поглощает одного, не оживляя другого: ты моими руками создала это очарование и эти черты, которые ждут только чувства и жизни; отдай же статуе половину моей жизни, отдай ей все, если надо, — мне довольно того, что я буду жить в ней. О, ты со снисходительной улыбкой принимаешь почести от смертных, — но ведь бесчувственное не может прославлять тебя; прости же свою благодать на все твои творения. Богиня красоты, избавь природу от позора, не допусти, чтобы столь совершенное изваяние изображало то, чего на самом деле нет.

Постепенно он овладевает собой — в его движениях уверенность и радость.

Я прихожу в себя. Какое неожиданное спокойствие! Какая неожиданная бодрость одушевляет меня! Смертельная лихорадка сжигала мою кровь: бальзам умиротворения и надежды распространяется по моим жилам; мне кажется, я возрождаюсь.

Так чувство зависимости служит иногда к нашему утешению. Как бы несчастны ни были смертные — воззвав к богам, они успокаиваются...

Но эта легкомысленная вера обманывает тех, кто обращается с безрассудной мольбой... Увы! в моем состоянии взываешь ко всему на свете, но ничто нам не внемлет, надежда, манящая нас, еще более безрассудна, нежели наше желание.

Пристыженный своими заблуждениями, я не смею даже взглянуть на их причину. Стоит мне поднять глаза на этот роковой предмет, как я снова чувствую смятение, сердце бьется, я задыхаюсь, тайный страх останавливает меня... (*Горькая прощия.*) О! Гляди, несчастный; будь мужествен; дерзни устремить свой взор на статую.

Он видит, что статуя оживает, и отворачивается, охваченный ужасом; его сердце сжимается от скорби.

Что я видел? Боги! Что мне померещилось? Телесная окраска плоти, огонь в глазах, даже движенья... Мало того что я жаждал чуда, — я видел его, наконец... (*Крайняя подавленность.*) Несчастный, итак — свершилось... твой бред достиг последнего предела... Разум покидает тебя так же, как и твой гений... Не сожалею о нем, о Пигмалион! Потеря его искупит твой позор... (*Бурное негодование.*) Слишком большое счастье

для влюбленного в камень стать безумным, которого преследуют видения!

Он оборачивается и видит, что статуя зашевелилась и сама сходит со ступеней, по которым он поднимался к ее пьедесталу. Он бросается на колени и, вздымая руки, устремляет взор к небу.

Бессмертные боги! Венера! Галатея! О, чары безумной любви!

Г а л а т е я (*прикасается к себе и произносит*): Я.

П и г м а л и о н (*в упоении*). Я.

Г а л а т е я (*еще раз прикасается к себе*). Это я.

П и г м а л и о н. Восхитительный обман чувств, проникший даже в мой слух, ах! не покидай меня никогда!

Г а л а т е я (*делает несколько шагов и трогает мрамор*). Это уже не я.

П и г м а л и о н, в волнении, едва сдерживая восторг, следит за каждым ее движением, слушает ее, наблюдает за ней с жадным вниманием, от которого у него захватывает дух. Г а л а т е я приближается к П и г м а л и о н у и смотрит на него; он стремительно вскакивает, протягивает к ней руки и глядит на нее в экстазе. Она дотрагивается до него рукой: он весь вздрагивает, берет эту руку, прижимает к сердцу и покрывает горячими поцелуями.

Г а л а т е я (*вздохнув*). Ах! это тоже я.

П и г м а л и о н. Да, дорогое и волшебное созданье, да, совершенное творение моих рук, моего сердца и моих богов,— это ты, это ты сама: я отдал тебе всё свое существо — я буду жить теперь только в тебе.